

УДК 81j23

КОНЦЕПТ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»
В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ИНОСТРАНКА»

Лыткина Оксана Ивановна,

*к. филол. н., доцент кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(г. Москва, РФ);
e-mail: Lytkinao@list.ru*

Статья посвящена проблеме изучения концепта «Америка» в русской литературе. Повесть С. Довлатова «Иностранка», как и многие другие произведения, составляющие «Американский текст», строится на оппозиции «свой – чужой», которая реализуется в противопоставлении концептов «Россия» и «Америка». В статье исследованы структура и содержание концептов «Россия» и «Америка». Результаты исследования сопоставлены с результатами ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: С. Довлатов, «Иностранка», «свой-чужой», языковая картина мира, концепт.

Повесть С. Довлатова «Иностранка», посвященная жизни эмигрантов в США, вместе с другими произведениями, местом действия в которых является Америка (США) (например, рассказ В. Г. Короленко «Без языка», очерки С. А. Есенина, В. В. Маяковского, путевые заметки И. Ильфа, Е. Петрова и др.), составляет «Американский текст» русской литературы. Произведения известных писателей, с одной стороны, отражают и выражают национальную картину мира в отдельных ее фрагментах, а с другой – оказывают значительное влияние на ее формирование. Творчество С. Довлатова в этом отношении имеет особое

значение. Исследователи неоднократно отмечали, что на страницах его произведений нашли отражения особенности русского менталитета и те сложные культурные и социальные процессы, которые происходили в годы Советского Союза. Находясь в эмиграции, С. Довлатов считал себя русским писателем: он и писал о русских эмигрантах третьей волны: «Довлатов оказался главным героем для всех уехавших, их идолом, их Орфеем, воспевшим и прославившим их рискованное путешествие. С ним их жизнь обрела смысл, даруемый литературой, – за что на него и обрушилась массовая любовь. А потом, поскольку ветер в те годы явно «дул с запада», что было вполне оправданно, Довлатов стал кумиром и оставшихся на родине» [5, с. 288-289].

В повести «Иностранка» (1986) отражена культура повседневности (тенденция, характерная для литературы 60-80-х гг.) не только американской, но и русской жизни: «Повседневная жизнь описывалась как на страницах книг, публиковавшихся и создававшихся в СССР, так и в произведениях русского зарубежья. Эмигрировавшие писатели продолжали писать о родине, о России, о культуре повседневности, которая, с одной стороны, формировала их, а с другой, определяла их жизнь и послужила причиной эмиграции (И. Бродский, В. Аксенов, С. Довлатов и др.)» [2, с. 224]. Таким образом, на страницах произведения нашел отражение конфликт разных культур и мировоззрений – «своего» и «чужого», «русского» и «американского».

Все вышесказанное объясняет наше обращение к повести С. Довлатова «Иностранка» в качестве материала исследования, цель которого – выявить способы языковой репрезентации концепта «свой – чужой», ключевого в каждой культуре.

Как и в других произведениях американской темы, концепт «свой – чужой», реализующийся в противопоставлении концептов «Россия» – «Америка» (США), в повести «Иностранка» становится основой построения повести.

Эмиграция в Америку представлялась героям произведения (и не только им) чем-то нереальным. В.Г. Попов вспоминал: «В те годы (сейчас в это трудно поверить) главной темой интеллигентских разговоров был отъезд. Об этом говорили и думали все – примерно как в тридцатые годы о спасении челюскинцев» [5, с. 288]. Мысль об эмиграции в Америку стала чем-то «напоминающим идею загробной жизни»: «То есть можно было попытаться начать все сначала. Избавиться от бремени прошлого» [1, с. 44]. Эмиграция, действительно, коренным образом изменила жизнь героев, а краткое упоминание об их прошлом напоминает в отдельных случаях некролог (этому способствует многократное употребление слов «был», «бывший»): «Лева Баранову за шестьдесят. Он **бывший** художник-молотовист» [1, с. 9]; «Елесеевский

был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма» [1, с. 10]; «В Союзе Зяма **был** юристом» [1, с. 13]; «В Союзе Зарецкий **был** известен популярными монографиями о деятелях культуры» [1, с. 14]; «В Союзе Лемкус **был** профессиональным затейником» [1, с. 17] (здесь и далее выделено нами. – О.Л.) и др.

Россия (Союз) является своеобразной «точкой отсчета» действия повести: описание Америки/США всегда происходит в сравнении с Россией, отмечается что «у них» не так, как «у нас», а совпадающие реалии просто не замечаются ни героями, ни автором-повествователем, ср. например: «Люди одеты похуже, чем в Доме кино. Однако получше, чем в Доме науки и техники» [1, с. 63]; «Затем она гуляла час по Вашингтону. Ничего особенного. Если что и бросилось в глаза, так это множество строительных лесов» [1, с. 124].

Противопоставление концептов «Россия» и «Америка» намечается по следующим критериям: общая характеристика, эмоциональное состояние героев, культура, жизненные и духовные ценности и т.д.

Поскольку жизнь всех героев сосредоточена в одном городе, то и представление обо всей стране у них складываются только по тому, что они видят в Нью-Йорке. В этом случае ключевым словом концепта «Америка» будет **цивилизация**: «Муся ехала „Амтраком“ в шесть утра. За окнами мелькали реки, горы, перелески – все как будто нарисованное. Утренний пейзаж в оконной раме. Не природа, думала Маруся, а какая-то **цивилизация...**» [1, с. 123-124].

Знакомство главной героини с американской культурой начинается в аэропорту Кеннеди: «Еще через шестнадцать дней Маруся приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. В руках у нее был пакет с кукурузными **чипсами**» [1, с. 47]. Американская культура это еще и **автомобили, Бродвей, витрины, дайперсы, разноцветная бумажная посуда, фисташки**: «Ночной **Бродвей** показался ей шумным и грязным [1, с. 53]; «**Черета автомобилей** на бульваре превратилась в стоянку такси» [1, с. 58]; «Мимо захламленных тротуаров и ослепительных, безвкусных **витрин**» [1, с. 58]; «Эти самые **дайперсы** - первое, что Маруся оценила на Западе. «Кроме того, ей нравились **чипсы, фисташки и разноцветная бумажная посуда**. Поел и выбросил...» [1, с. 55] и т.д.

Город оглушил героиню, его звуковая характеристика выражена в словах: **вой, сирены, гудки, крики лотошников, шум, нескончаемый барабанный грохот, однообразная вибрирующая музыка, грохот...**: «Триста восемьдесят шагов сквозь разноцветную, праздную, горляющую толпу. В облаках бензиновой гари, табачного дыма и запаха уличных жаровен. ...Под **крики лотошников, вой** автомобильных сирен и нескончаемый барабанный **грохот...**» [1, с. 58]; «Там **грохота-**

ла музыка» [1, с. 119] и др. Вот почему, ища способ разбогатеть, Рафаэль решает продавать тишину: «В нашей жизни слишком много шума. Это вредно. Действует на психику. От этого все люди стали нервными и злыми. Людям просто не хватает тишины. Так вот, мы будем собирать ее, хранить и продавать...» [1, с. 120].

В содержании концепта «Америка» представлен еще один тип информации – запах: **аммиачное зловоние, бензиновая гарь, запах дыма, уличных жаровень, пиццерии, косметики...**, например: «Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея» [1, с. 58]; «Смешанные запахи пиццерии, косметики и бензиновой гари?» [1, с. 80-81]; «Тяжелый запах дыма и бензина» [1, с. 112] и др.

Эмоциональная составляющая концепта «Америка» представлена неоднозначно. С одной стороны, чужая незнакомая среда вызывает у героев чувства **страха, беспомощности, одиночества, тревоги, раздражения, неустойчивости, желание выпить**: «Одиноким русским женщинам...» [эпиграф]; «Нью-Йорк внушал Марусе **чувство раздражения и страха**» [1, с. 58]; «Ежедневная **порция страха и неуверенности...**» [1, с. 58]; «Маруся чувствовала себя, как на даче у родственников. Рано или поздно надо будет возвращаться домой. Но куда? ...В общем, **чувство тревоги** с каждым днем нарастало...» [1, с. 63]; «Рафаэль материализовался из общего **чувства неустойчивости**. Из ощущения праздника, **беды, успеха, неудачи, катастрофической феерии**» [1, с. 81] и др.

Объединяющим всех эмигрантов является чувство **разочарования, рухнувшей надежды**: «На Западе Еселевский окончательно **разочаровался** в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем, он **разочаровался** и в эмигрантских газетах» [1, с. 10]; «Америка **разочаровала** Караваева» [1, с. 17], у Рафаэля галстук «цвета **рухнувшей надежды**» [1, с. 81] и т.д.

Разочарование вызвано крушением представлений об Америке как **стране свободы и демократии**, которые сложились на родине. Можно сказать, что здесь повторяется сюжет рассказа В.Г. Короленко «Без языка», когда герои едут за свободой и демократией, плохо представляя себе, в чем они заключаются: «Свобода! Это слово частенько-таки повторялось в шинке еврея Шлемы, спокойно слушавшего за своей стойкой. Правду сказать, не всякий из лозищан понимал хорошенько, что оно значит. Но оно как-то хорошо обращалось на языке, и звучало в нем что-то такое, от чего человек будто прибавлялся в росте и что-то будто вспоминалось неясное, но приятное... Что-то такое, о чем как будто бы знали когда-то в той стороне старые люди, а дети иной раз прикидываются, что и они тоже знают...» [3, с. 10].

Этим объясняется ирония автора в изображении своих героев. Например, Маруся Татарович пишет своим родителям: «Свободы здесь еще больше, чем в Австрии. В специальных магазинах продаются каучуковые органы. Вы понимаете? Мамуля бы сейчас же в обморок упала» [1, с. 64]. Или диалог героини с автором-рассказчиком: «– А свобода? – На фиг мне **свобода!** Я хочу покоя... И вообще, зачем нужна свобода, когда у меня есть папа?! – Ты даешь! – Нормальный человек, он и в Москве свободен. ... – В общем, жизни нет» [1, с. 113].

Свобода и демократия – визитная карточка **великой и богатой страны** – для русских эмигрантов оказались **иллюзией**: «Дома не было свободы, зато имелись читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали» [1, с. 13]. Иллюзия, как оказалось, самый ходовой товар в Америке: «– И ты намерен эту гадость продавать? – спросила Муся. В неограниченном количестве. Ведь это же иллюзия! Я буду торговать иллюзиями по сорок центов штука. И заработаю на этом миллионы. Потому что самый ходовой товар в Америке – **иллюзия...**» [1, с. 104].

Разочарование рождает чувство одиночества, ощущение себя **чужим и ненужным** в «**чужой**, заморской, непонятной жизни» [1, с. 80]: «Но мы в **чужой** стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго – пистолет. Если не бомба...» [1, с. 85]; «Великая страна! Да мы-то здесь **чужие**, независимо от убеждений» [1, с. 118].

Ненужными в богатой и великой стране оказываются русская литература и все те ценности (не материальные), за которые эмигранты терпели гонения на родине: «Известно, что американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия – исключительный случай» [1, с. 75]. Но в Америке нет справедливости, ее ценности – **деньги, богатство**; заветная мечта – разбогатеть, получить миллионы: «Я заработаю **миллионы!** Вот увидишь! **Миллионы!**» [1, с. 120].

Показательно сравнение русских эмигрантов с **командированными**, зажавшими в руке «два сорок», на которые нужно было существовать, а именно: «три раза в день питаться. Плюс сигареты, транспорт, мелкие расходы. Плюс непременно выпить. Да еще и отложить чего-то женам на подарки» [1, с. 89]. Таким образом автор еще раз подчеркивает ощущение некоего непостоянства и неустойчивости у своих героев.

В этом отношении русские эмигранты очень отличаются от типичных **американцев, целеустремленных, богатых, со здоровыми нервами**, которые **переодеваются каждый день**, являются **принципиальными оптимистами**, **рассчитывают только на себя**, ср.:

«– Просто Джи Кей – типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому.

Большинство из них – принципиальные оптимисты...

Лора объясняла Мусе:

– Америка любит сильных, красивых и нахальных. Это страна деловых, целеустремленных людей. Неудачников американцы дружно презирают. Рассчитывать здесь можно только лишь на одного себя...» [1, с. 54].

Поэтому планы на будущее, как и само будущее, остается в прошлой жизни, т.е. в России: «– Какие могут быть гарантии? И что тут говорить **о будущем?** Это в Союзе только и разговоров, что **о будущем**. А здесь – живешь и ладно...» [1, с. 89].

Отчаяние вызывает неожиданное желание – «я хочу домой!» (так называется одна из глав):

«– А что ты мне советуешь? Тарелки мыть в паршивом ресторане? На программиста выучиться? Торговать орехами на то восьмой?.. Да лучше я обратно попрошусь!

– Куда? В Москву?

– Да хоть бы и в Москву! А что особенного?! Ведь не посадят же меня. К политике я отношения не имею...» [1, с. 113].

Возникает закономерный вопрос «Стоило ли ехать в такую даль?». Этот вопрос стоит не только перед главной героиней, но ни она, ни другие эмигранты не могут найти на него ответ:

«– И все же, – спрашивала Лора, – почему ты уехала? Политика тебя не волновала. Материально ты была устроена. От антисемитизма страдать не могла...

– Этого мне только не хватало!

– Так в чем же дело?

– Да ни в чем. Уехала и все» [1, с. 52].

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется в самом жанре произведения – жанре путешествия: «Путешествие – в фольклоре, в литературе – это всегда путь к себе. Так оно было у Одиссея, у Мцыри, у крестьян из „Кому на Руси жить хорошо“...» [9, с. 183]. Эмиграция героев – путь к себе. Главная героиня Мария Татарович, кажется, нашла себя, об этом говорит название последней главы «Хэппи энд». Из хаоса чужой жизни начала складываться разумная стихия: «Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Черда автомобилей на бульва-

ре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески „Бекери“. Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...» [1, с. 58].

Содержание концепта «Россия» (Союз) в повести С. Довлатова представлено следующим набором ключевых слов: **аресты, верно-подданничество, гонения, дефицит, диссидентство, карательные органы, конформизм, лагерь, марксизм, номенклатура, партия, разговоры о будущем, режим, советская власть, социалистический реализм, хамство, ханжеская мораль, цензура...** Например: «**Аресты** не прекращались два года» [1, с. 27]; «Родители обвиняли своих детей в **предательстве**. Дети презирали родителей за **верно-подданничество** и **конформизм**» [1, с. 45]; «Короче, Лемкус подвергся **гонениям**» [1, с. 19]; «Ему не хватало здесь **советской власти, марксизма** и **карательных органов**» [1, с. 17]; «А кругом бурлила жизнь, наполненная **социалистическим реализмом**» [1, с. 21] и т.д.

Однако Россия – дом, и ощущение дома, чувствовать себя как дома – самое комфортное и естественное состояние человека. Поэтому когда американская жизнь становится освоенной, привычной, своей, Россия появляется в Америке. Историческое заявление Зарецкого на таможне «Не я покидаю Россию! Это Россия покидает меня!...» [1, с. 15] становится символичным. Эмигранты несут с собой в Америку Россию, продолжают жить в ней: «Литературный агент говорил мне:

– Напиши об Америке. Возьми какой-нибудь сюжет из американской жизни. Ведь ты живешь здесь много лет.

Он заблуждался. Я жил не в Америке. Я жил в русской колонии. Какие уж тут американские сюжеты!» [1, с. 75-76].

Выделенные нами типы информации, представляющие концепты «Россия» и «Америка», подтверждаются материалами «Русского ассоциативного словаря» [6]. Ниже мы приводим выборку слов-реакций, полученных на слова-стимулы «Америка», «США», «Родина», «Россия» (в скобках указана частота реакций):

Америка ?! богатая, великая, свобода (2), бизнес, где-то, деньги, для американцев, ехать, житуха!, западная, золотая жизнь, кайф, капитализм, мечта, Москва, неизвестность, не плохо, не хочу туда, Нью-Йорк, отлично, процветающая, Россия, свободная, суэта, хорошо, хочу, эмиграция (1)

США ?! страна (17), Америка (9), свобода (6), доллар (4), Россия, СССР (3), богатство, капитализм, Нью-Йорк (2), бизнес, великая держава, город, демократия, империализм, капстрана (1).

Родина ! Россия (15), СССР (5), любовь(2), защита, зов, любить, моя, моя Россия, моя страна, патриотизм, Советский Союз (1).

Россия ! родина (16), наша (3), будущее, родина, отечество (1) [6].

Как показывает материал нашего исследования, большую часть значений в содержании концептов «Америка» и «Россия» составляют знания, связанные с актуальным состоянием общественной жизни, политики, экономики, культуры (в данном случае эпохи середины 80-х г. XX в.). В связи с чем можно говорить о двух типах значений, составляющих содержание концептов: 1) постоянные, составляющие ядро в структуре концепта (например, «свобода», «демократия», «богатство» и др. в структуре концепта «Америка»), и 2) непостоянные, ярко выражающие характер определенной исторической эпохи (например, «дефицит», «партия», «КГБ» и др. в содержании концепта «Россия»). Постоянные значения отражают менталитет народа, являются ядром национальной картины мира, а непостоянные – характер той или иной эпохи.

Изучение концептов «Америка» и «Россия» представляется в дальнейшем перспективным, поскольку позволит понять и описать русскую языковую картину мира через сопоставление с американской. Как известно, «свое» всегда осознается и понимается лучше в сопоставлении с «чужим».

Список использованных источников

1. Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. 160 с.
2. Кипнес Л. В., Тупицына И. Н. «Культура повседневности» в прозе Сергея Довлатова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (36). 2007. С. 223-226.
3. Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: «Правда», 1977. 397 с.
4. Мотыгина Ж. Ю. Творческая индивидуальность Сергея Довлатова. Астрахань: Астраханский университет, 2006. 125 с.
5. Попов В. Г. Довлатов. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. 355 с.
6. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 784 с.
7. Сёмкин А. Д. Чехов. Зоценко. Довлатов: В поисках героя. СПб.: Островитянин, 2014. 424 с.
8. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. 2-е изд. СПб.: Нестор-История, 2006. 278 с.
9. Умеров Ш. Г. Пространство и время: заграничное путешествие людей «дна» как протожанр в новейшей русской литературе // История и современность. № 2. 2011. С. 179–193.

CONCEPT «OWN – ALIEN» IN THE NOVEL «FOREIGN WOMAN» BY S. DOVLATOV

Lytkina Oksana Ivanovna,

*Ph.D., Associate Professor of School of Translation and Interpretation
of Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia);
e-mail: Lytkinao@list.ru*

The article is devoted to the problem of research of American text in Russian literature. The novel written by S. Dovlatov «Foreign Woman» and many other works, which formed «American text», is constructed on the opposition «own – alien». It's the opposition of the concepts «Russia» and «America» too. In the article structure and substance of the concepts «Russia» and «America» are studied. The results of the research are correlated with the results of associative tests.

Keywords. *S. Dovlatov; «Foreign Woman», «own – alien», language picture of the world, concept*

References

1. Dovlatov S. Foreign Woman. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. 160 p.
2. Kipnes L. V., Tupicyna I.N. Culture of Everyday Life in Sergei Dovlatov's prose // Bulletin of St. Petersburg Russian Interior Ministry University № 4 (36). 2007. P. 223-226.
3. Korolenko V. G. Collected works: V 6 t. T. 4. M.: «Pravda», 1977. 397 p.
4. Motygina Zh. Ju. The creative individuality of Sergei Dovlatov. Astrahan': Astrahanskij universitet, 2006. 125 p.
5. Popov V. G. Dovlatov. 3th ed. M.: Molodaja gvardija, 2015. 355 p.
6. Russian associative dictionary: In 2 t. T. 1. M.: OOO «Izd-vo Astrel'»: OOO «Izd-vo AST», 2002. 784 p.
7. Sjomkin A. D. Chekhov. Zoshchenko. Dovlatov: In Search of a Hero. SPb.: Ostrovitjanin, 2014. 424 p.
8. Suhii I. N. Sergej Dovlatov: Time, place, destiny. 2th ed. SPb.: Nestor-Istorija, 2006. 278 p.
9. Umerov Sh. G. The journey is people of «bottom» as protogenre in the newest Russian literature // History and contemporaneity. № 2. 2011. P. 179–193.